

Ян Цзинь очень хотел сбросить с себя этот чёрный котёл, но прежде чем он успел что-либо предпринять, из дворца доставили список — подробные сведения обо всех новых слугах.

Этот акт преданности Сяо Цяня пришёлся Ян Цзиню прямо по сердцу. Тот, почёсывая голову, размышлял всю ночь, и в конце концов жадность победила страх быть затравленным.

Он принял список.

Последующие несколько дней он не смел появляться на аудиенциях, опасаясь, что советники-цензоры доведут его до рецидива старых ран. Теперь, когда всё устроилось и немного утихло, он наконец вышел за ворота своей резиденции.

— Господин, ваш чай готов.

Услышав этот голос, Ян Цзинь поднялся, неспешно закрыл окно слева и бросил беглый взгляд на сказочника:

— Войдите.

Дверь в отдельную комнату на втором этаже открылась, вошёл слуга в короткой одежде, поставил поднос и, проведя пальцем по щели в подносе, вложил письмо в слегка приподнятый рукав Ян Цзиня. Затем поправил чайник и чашки, поклонился и удалился:

— Неспешного вам чаепития, господин.

Ян Цзинь некоторое время пил чай, затем под столом вскрыл конверт. Лишь мельком взглянув, он в гневе скомкал письмо и прошипел:

— Невежественная женщина!

Сказав это, он не смог усидеть на месте и более, едва сохраняя элегантную осанку, поспешно удалился.

Зал Сунъян. Лёгкий прохладный ветерок, осеннее настроение.

Фан Минцзюэ бросил поданный ему доклад на тахту, где Сяо Цянь подбрасывал арахис, и тут же пожалел об этом. Он, император, незаметно для себя перенял эту дурную привычку швырять доклады.

Сяо Цянь поймал доклад, раскрыл его и рассмеялся.

— Откуда ты знаешь, что Ян Цзинь, оправившись от ран, вновь отправится на границу? — спросил Фан Минцзюэ.

Сяо Цянь обрадовался.

Если бы раньше Фан Минцзюэ никогда не задал бы ему такого вопроса, то теперь, после происшествия со служанкой, он стал ему немного доверять. Не до откровений, но достаточно для союзнических отношений.

— Он не собирается на границу, — многозначительно усмехнулся Сяо Цянь.

Фан Минцзюэ удивился:

— Великая Цзинь?

— Генерал, защищавший страну, погиб, но его старые подчинённые всё ещё живы. Хотя убил его Чжу Кунь, подданные разве могут мстить государю? Поэтому им остаётся лишь направить копья на подлых людей у трона, — анализировал Сяо Цянь. Его тон был спокоен, словно дело его не касалось.

Фан Минцзюэ погрузился в раздумья, продолжая просматривать доклады.

Внезапно снаружи донёлся звук торопливых шагов. Сяо Дэцзы ворвался в зал, и Сяо Цяню смутно почудилось, будто он уже видел эту сцену.

И точно.

— Ваше Величество, беда!

У Сяо Цяня на лбу вздулась вена. Он глубоко ощутил, что имя Сяо Дэцзы выбрано совершенно ненаучно. Его следовало бы назвать Сяо Яцзы, где «я» — от слова «ворона».

— Что случилось? — Фан Минцзюэ уже научился сохранять самообладание.

Взгляд Сяо Дэцзы метнулся, упав на Сяо Цяня, и он, дрожа, произнёс:

— Ответствую Вашему Величеству... Госпожа, маркиз Аньчан упал с лошади на охоте, его состояние неизвестно, его только что... только что внесли в поместье... — Сказав это, он, словно опасаясь, что Сяо Цянь его съест, отодвинулся назад.

Фан Минцзюэ тоже на мгновение замер, взглянув на Сяо Цяня.

Генерал Сяо, неспешно подбрасывавший арахис, внезапно почувствовал на себе два странных взгляда. Подбросив ещё один орешек, он удивился:

— Что вы все на меня смотрите?

Уже никто не обращал внимания на его самоназвание. На лице Сяо Дэцзы было выражение, словно он увидел призрака, — одновременно изумлённое и смущённое. Фан Минцзюэ же сохранял безмятежный вид и сказал:

— Маркиз Аньчан — твой отец.

Сяо Цянь застыл, и падающий арахис с лёгким стуком угодил ему прямо в лоб.

Редко можно было увидеть вечно бесстыжего и похожего на пронырливого торговца Сяо Цяня в таком ошеломлённом состоянии. Фан Минцзюэ махнул рукой, отпуская Сяо Дэцзы, и, движимый необъяснимым порывом, подошёл и ткнул Сяо Цяня в лоб чистой кистью.

Однако сила толчка ещё не успела реализоваться, как его запястье было схвачено, талия обхвачена, и он всей тяжестью рухнул на тахту, ударившись о широкую грудь.

— Опять шалишь, а? — Его голос был томным, словно мягкий мех скользил по ушной раковине.

Большой волк Сяо Цянь с наслаждением обнял упавшего на него маленького императора, нарочно шлёпнул его по заду и, понизив голос, прошептал в его жемчужно-белое ухо.

Внезапно ладонь закрыла ему лицо.

Фан Минцзюэ, спокойно и невозмутимо прижав лицо Сяо Цяня, поднялся, отпустил руку и вернулся за императорский стол. Его голос был холоден:

— Не расслабляйся. Хотя в доме маркиза Аньчан не заботятся о тебе как о побочном сыне, но в связи с этим происшествием они, вероятно, подадут прошение, чтобы ты вернулся домой навестить родных. Сейчас непростое время, будь осторожен.

Сяо Цянь, возлежа на тахте в весьма соблазнительной позе, промолвил:

— О? Ваше Величество беспокоится о своей служанке?

Фан Минцзюэ уже и не вспомнил, который раз за этот месяц ему хотелось закатить глаза:

— Нет.

Сяо Цянь рассмеялся и поднялся:

— Говоря это, Ваше Величество было бы куда убедительнее, если бы лицо не краснело.

Правдивы ли последующие слова Фан Минцзюэ — неизвестно, но первая часть предсказания оказалась абсолютно точной.

После полуденной трапезы из поместья маркиза Аньчан доставили письмо с прошением о визите императрицы к родным.

Поместье маркиза Аньчан располагалось в богатом квартале Чэндун. Хотя это было пришедшее в упадок маркизское владение, но, пользуясь заслугами предков, всё же сохраняло некоторую пышность. Тем более, визит императрицы, даже если её не жаловали, нужно было использовать, чтобы продемонстрировать свой статус, — не было пышности, нужно было её создать.

Сяо Цянь приоткрыл занавеску повозки, окинул взглядом ситуацию с «противником» и заволновался не меньше, чем перед первым боем.

О самом Сяо Ци он знал мало, не говоря уже о доме маркиза Аньчан. Всё остальное он мог как-нибудь провести, боялся лишь встретить тех, кто тесно общался с Сяо Ци. Странные речи и смутные воспоминания о прошлом могли его выдать. Хотя в переселение душ никто бы не поверил, но некоторые догадки бывают страшнее истины.

Между двумя величественными каменными львами простиралась широкая, ровная лестница.

На ступенях толпа слуг окружала женщину средних лет с острыми чертами лица, знатного вида. Та, склонив голову набок, с улыбкой на губах разговаривала с высоким и статным юношей рядом.

Юноша носил нефритовую корону, волосы его были аккуратны, виски словно вырезаны ножом, брови — мечи, глаза — звёзды. Если бы не бледное лицо, унылое выражение и то, что его поддерживал слуга, придавая вид болезненного слабака, он, вероятно, мог бы считаться одним из столичных щёголей, занимая какое-нибудь место в рейтинге. Должно быть, это и был наследник дома маркиза Аньчан, Сяо И.

Повозка остановилась. Линь Лин приподняла занавеску, и Сяо Цянь сошёл, ступив на

подножку.

— Приветствуем императрицу! —

Голоса были ленивыми, словно стая сонных воробьёв нехотя подавала голос.

Слуги на ступенях чёрной массой опустились на колени, но знатная госпожа и юноша стояли на своём, не сдвинувшись с места, и лишь неспешно добавили:

— Императрица почти год в дворце, и если бы маркиз не сломал ногу, боюсь, вы и не соблаговолили бы навестить этот обнищавший материнский дом?

Ещё не переступив порог, а спектакль уже начинается?

Внутренний актёр-генерал Сяо слегка заволновался.

— Как можете вы, госпожа, так принижать свою служанку? — Сяо Цянь ущипнул себя за талию, намереваясь вызвать слёзы, но от боли скривился, и его лицо, пытавшееся сдержаться, исказилось. — У вашей служанки... у вашей служанки есть невысказанные трудности.

Что говорить, это выражение действительно походило на человека с невысказанными трудностями.

Госпожа Ху на мгновение растерялась. Не ожидала она, что этот глуповатый побочный сын, побывав во дворце, так повысил свой уровень.

Заметив, что мимо начинают собираться сердобольные зеваки, госпожа Ху, хорошо понимая, что сор из избы не выносят, с натянутой улыбкой произнесла:

— На улице ветрено, императрица, пожалуйста сначала в дом, маркиз ждёт.

С самого начала и до конца наследник Сяо И не проронил ни слова, улыбаясь, словно ваза, да ещё та, что разобьётся от одного прикосновения.

Сяо Цяня проводили в главный двор, за ним следовали Линь Лин и двое слуг в простой одежде.

Маркиз Аньчан и вправду сильно пострадал от падения: не только ногу сломал, но, видимо, и мозги потряс. Едва завидев Сяо Цяня, старичок начал всхлипывать и причитать:

— Сын мой! Это я виноват... мать твоя рано ушла... и я был вынужден... Дворцовые ворота глубоки как море, как же страдал мой сынок...

Сяо Цянь, всерьёз заподозривший, что маркиз Аньчан — это переодетая мужчиной женщина, почувствовал, как по нему побежали мурашки.

— Маркизу не стоит так поступать, ваша служанка... во дворце всё хорошо, — в этих словах не было ни капли лжи.

Живёт в Зале Сунъян, спит на огромной драконьей кровати, ещё и маленький император греет постель — кроме необходимости иногда разбираться с интригами, жизнь просто прекрасна.

Однако актёрское мастерство Сяо Цяня было на высоте, и слова «всё хорошо» он произнёс с таким видом, словно страдал от непроходимости кишечника.

Маркиз, закрыв лицо, чуть не разрыдался:

— Всё из-за меня... мой третий сыночек так отделился от отца...

Кожа «третьего сыночка» генерала Ся дёрнулась. Он глубоко ощутил, что это детское прозвище ему совершенно не подходит.

Чэндун — восточная часть города, часто означает богатый или престижный район.

<http://bllate.org/book/16207/1454645>